

М. Б. Мирский

МЕДИЦИНА РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ЧАСТЬ 4

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН

Бесценные свидетельства о прошлом медицины в России оставили нам древнерусские историки — летописцы. Древнерусские летописи — это искусно составленные энциклопедии, в которых содержится богатый исторический материал по самым разным вопросам. Затрагиваются в них и некоторые медицинские проблемы, чаще всего связанные с болезнями сильных мира сего и с непередаваемо страшными в те времена "моровыми ветвями".

Например, вот что рассказывает Ипатьевская летопись о болезни (1289 г.) князя Владимира Васильевича Волынского: "Нача емоу гнити исподнаго оуоустана первого ле мало на другое и на третее болма нача гнити и еще же емоу не вельми болноу но ходашь и ездашь на коне. ... Исходящо же четвертому летоу и наставши зиме и нача болми немочи и впада емоу все мясо с бороды и зуоби исподни выгниша вси и челюсть бородная перегнила баше и бы видити гортань и не вокоуша по семь недель ничегоже разве одиное воды и то же по скоудоу и бь в четверг на ночь поча изнемогати и яко бы в коуры и позна в себе дх изнемогаю ко исходу души и созрев на нбо и воздав хвалу Боу... и тако преставися благоверный холюбивый великий князь Володимир он Василков внуок Романов... преставление же его бы во Любомли горо"¹.

Благодаря этому документальному и красочному описанию, где зафиксированы все изменения в состоянии здоровья князя (автор делал это, по-видимому, со слов врача, лечившего больного), современный медик может распознать заболевание, о котором идет речь: скорее всего это был рак нижней губы. К сожалению, летопись не сообщает, как лечили князя, может быть потому, что исход болезни оказался фатальным.

Увы, в летописи ничего не сказано и о том, как лечили князя Дмитрия Донского во время его последнего заболевания. В рукописи "О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго" о его болезни сообщается так: "Потом разболеся и прискорбен бысть велми, и паки легчая бысть емоу, и възрадовавшася великая княгиня и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в большую болезнь и стенание прииде в сердце его, яко и внутреним его терзатися, и уже приближися ко смерти, душа его". Князь попросился с близкими: "И целовав княгиню свою, и дети своя, и бояры своя, конечно целование дав им и благослови их, и причну руже свои к персем, и тако предаст святую свою душу и непорочную в руже истиннаго Бога"².

Гораздо подробнее и квалифицированнее освещает летописец болезнь Василия III (отца Ивана Грозного). Впрочем, это неудивительно, поскольку при дворе Василия III были иноземные врачи, которые, конечно же, помогали в описании заболевания.

Исторические изыскания, анализ древнерусских летописей позволили выяснить кое-что о врачах-иностранных, состоявших при дворе Василия III. Так, Н. М. Карамзин писал о каком-то враче — греке по имени Марко, который прибыл ко двору русского царя из Константинополя, уже несколько десятилетий находившегося во власти турецкого султана. Султан в письме Василию III просил отпустить Марко домой, к семье, так как он якобы приехал в Россию только по торговым делам. Но русский царь не пожелал сделать этого и так отвечал султану: "Марко издавна служит мне добровольно, и лечит моего новгородского наместника: пришли к нему жену и детей"³.

По данным современных российских историков, Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Сначала русские ди-

пломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил его жене выехать на Русь — видимо, греческий врач приехал в Москву надолго, с самыми серьезными намерениями. "Марк вел доверительные беседы с государем (Василием III — М. М.), из чего следует, что он был одним из придворных лекарей"⁴. Впоследствии, правда, его планы изменились, что, видимо, и послужило причиной просьбы турецкой стороны отпустить его в Константинополь. По словам жившего тогда в Москве императорского посла Сигизмунда Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу "тяжких заблуждений русского православия". За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез, все попытки вызволить его из беды окончились ничем⁵.

Несколько позже, как сообщает летопись, при дворе Василия III были уже два иноземных врача — Николай Булев (Луев) и Феофил.

Николай Булев был родом из богатого немецкого города Любека. Известно, что он окончил университет в Падуе, был даже профессором медицины и астрологии (в то время — нередкое сочетание). В Россию он приехал вместе с Юрием Делатором, послом императора священной римской империи, и остался здесь практиковать.

Правда, по другим данным, ученый медик и ревностный католик из Любека, сторонник церковной унии католической и православной церквей, или, как говорят сейчас, экуменической идеи, Никола Булев был приглашен на Русь в 1489—1491 гг. и должен был помочь в составлении новых Пасхалий — таблиц, содержащих ключевые слова и круги, для нахождения времени пасхи и других подвижных праздников. Умный и образованный врач, Булев понравился царю Василию III, который сделал его своим придворным медиком.

Сначала Булев жил в Новгороде, а затем, став врачом самого царя, переехал в Москву.

Однако жизнь в России, видимо, не пришлась ему по нраву, и он написал домой о своем желании возвратиться в Германию. Письмо дошло до императора Максимилиана. Когда в 1519 г. в Москву приехал посол императора Ян Криштон, он при первом же свидании с боярами просил передать царю просьбу своего повелителя "о деле некоего Магистра Николая Любчанина, который некогда приехал в се страны с ... послом с Юрьем с Делатором ... чтоб Наяснейший Начальник взволил его отпустить, чтоб емоу кости свои донести до своего родства"⁶.

Но Василий III не захотел, вероятно, отпускать своего врача, и поэтому императорский посол при очередном свидании с боярами вновь повторил просьбу отпустить Николая Булева: "И послы о том в писание ответа просили, отпустит ли Князь Великий Николай? Да о том поговорил не мало, чтобы им тому ответ дали; и Федор (царский боярин Федор Карпов — М. М.) им то отговорил"⁷. Другими словами, переговоры о судьбе Николая Булева окончились ничем, царское решение осталось неизменным. Врач Булев так и остался в Москве до конца своей жизни.

Интересно, что Булев пытался претворить в жизнь идею о церковной унии католиков и православных. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату известного церковного деятеля Иосифа Волоцкого, в котором отстаивал идею единства веры и "приводил" истинное русское православие "к соединению латынскому"⁸. Из-

⁴Скрынников Р. Г., История российская IX—XVII вв. — М., 1997. — С. 242.

⁵Там же. — С. 214.

⁶Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. 1. — СПб, 1851. — С. 416.

⁷Там же. — С. 424.

⁸Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. — М., 1972. — С. 356.

¹ПСРЛ. — Т. 2, изд. 2. — СПб, 1908. — С. 914—918.

²ПСРЛ. — Т. 6. — 1853. — С. 107—108.

³Карамзин Н. М., История государства Российского. — Т. VII. — 1834. — С. 112.

вестно также, что Булев был знаком с Максимом Греком — известным ученым-энциклопедистом и богословом, тоже воспитанником итальянского университета, жившим в то время в Москве. Николая Булева считают переводчиком с немецкого на русский нашей первой медицинской энциклопедии — Вертограда 1534 г. (Н. А. Богоявленский, 1970).

Феофил, как и Николай Булев, тоже был родом из Любека, его знали в придворных кругах германских государств. Дитрих Шонберг, посланник прусского магистрата Альбрехта, который в феврале—марте 1517 г. вел переговоры с Василием III, однажды обратился к русскому царю с просьбой, как сказано в посольской книге, "туту ж бил челом великому князю от магистрата о Фефиле о немчине, чтоб его пожаловал отпустил к магистру". Однако врач Феофил был, очевидно, тоже, как и Николай Булев, необходим Василию III, и тот не удовлетворил просьбу посланника: "Князь великий ему о Фефиле велел отвечать: тот человек у нас лечит человека доброго, и нам его ныне отпустить непригож". Но русский царь добавил, "а впредь ажд даст Бог, Фефила к магистру отпустим"⁹. Это обещание осталось невыполненным.

Когда через год Дитрих Шонберг снова приехал в Москву, он опять поднял вопрос о возвращении Феофила на родину, сказав об этом приближенным к царю боярам. Как свидетельствует посольская книга, "о Фефилове брате бояре ему говорили от себя: о том немчине государю есмь еще того не сказали, а опытали есмь, что у него многие дети боярские на руках, лечит их, да и женился сказывают; а даст Бог, о том опытаем". Домой врача так и не отпустили: "А немчина ему, Фефилова брата, не отдали, а отговорили ему тем, что Фефилов брат женился"¹⁰.

Таким образом, оба врача, формально свободные люди, вынуждены были оставаться в России. Они продолжали лечить (и не только взрослых) и пользовались уважением: Феофила, например, в 1537 г. посылали для освидетельствования князя Андрея Ивановича Старицкого в Новгород "и Феофил приехав сказал, что болезнь его легка; сказывает на стегне болячка, а лежит на постеле"¹¹. Однако помочь самому царю, когда он заболел, эти врачи все-таки не смогли.

Вот что повествуется в летописи о болезни Василия III: "В лето 7042 (1533 г. — М. М.) сентября... начат немощи: и явился у него мала болячка на левой стране на стегне, на сгибе с булавоочную головку, вреху же у нея несть, ни гною въ ней несть же, а сама багрова".

Сначала Василий III не обращал на "болячку" внимания и ездил даже в свои имения. Но боль становилась все сильнее. "Наутрия же, в понедельник, князь великою нужею донде до мылни; и за столом седе в постельных хоромехъ нужею". И хотя великий князь старался превозмочь болезнь и даже ездил охотиться, ему становилось все хуже: "болезью же обдержим скорбаше".

Далее события развивались так: "И нача к бользни своей призывати князя Михайла Лвовича Глинскаго; а к Москве посла воскорю по дохторов своих по Миколая по Булева да по Фефила. И Миколай и Фефил прихаша, и по совьту со князем Михайлом со Лвовичем начаша прикладывати къ болячке муку пшеничную с медом пресным и лук печеной, от того болячка нача рдетися; они же начаша прикладывати и учинися на болячке аки прыщ мал и появився въ ней мало гною".

Но состояние Василия III не улучшалось, и так как он уже не мог сесть на коня, его пришлось из имения, где он находился, выносить на носилках. "А из болячки мало гною изсякаючи, верху же у нея несть; рана же у нее аки иглоу уткнута, а не прибудет ея, ни убудет. И повеле же князь велики прикладывати масть к болячке, и нача из болячки итти гной помалу, и поелику болши, яко до полутазы и по тазу".

Но и это не помогло: "И тогда же в грудех ему быють тягость, и того ради взяша горошки и семянники, и с того пронесе ему на низ, а болезнь его тяжка; и после того порушился ему ества, не нача ести".

Летописец подробно описывает ход болезни: снова "выйде из болячки гною, яко боле таза, и выйде из нее стержень боле полдурты пяди, но еще не весь стержень выйде из нее; князь же велики о том обвеселися, чая болезни своя облегчения".

Василий III решил, очевидно, применить к своей болезни какой-то другой способ лечения и, неvizирая на присутствие врачей, послал за Яном Малым — одним из своих придворных, который был у него гетманом и, очевидно, занимался знахарством и выполнял другие "медицинские" поручения. Известно, во всяком случае, что Ян (Истома) Малый в конце 20-х — начале

30-х годов XVI века по распоряжению Василия III доставлял боярину Глинскому лекарства из Риги¹². В летописи говорится: "Посла к Москве по гетмана своего по Яна по Малогу; Ян же воскорю приеде и нача прикладывати к болячке масть обычную, от Яновы же масти мало оток поляже". Из Волоколамска Василия III привезли в монастырь "в каптане и не ихождаше от постели нимало, но пребываше на постели, и обращаху его со страны на страну, понеже изнеможе от зеленые болезни и брашна мало вкушаше".

По дороге в Москву князь остановился в селе Воробьево, "и бысть в Воробьево два дни, от болезни зеленая стража и изнемогающе".

Не стало ему лучше и в Москве, куда его вскоре привезли "и внесоша его в постельные хоромы". Состояние продолжало ухудшаться: "Князь же велики велми скорбаше и изнемогающе, болезни же своей не чуяше, а раны у него не прибываше, токмо дух от нея тяжек. Идуши же из нея нежди смертныи, и призва тогда ... и докторов своих Николая Булева да Фефила, чтобы прикладывати к болячке масть, или бы нечто пустили в рану, чтобы от нея духу не было".

Свои советы по лечению начал давать великому князю его приближенный, боярин Михаил Глинский. "И нача ему говорити боярин его Михайло Юрьевич, тешачи государя: "государь князь велики! чтобы водка нарядити и в рану пушати и выжимати; ино, государь, ведячи тебя государя такова истомна, чтобы, государь, спустити с день или с два, чтобы было, государь, хотя мало болезни твоей облегчение, ино бы тогда водки пустити".

Только в этот момент, как говорится в летописи, к царю был приглашен врач Николай Булев. Древнерусский историк пишет: "Князь велики призва Николая и нача ему говорити: "Брате Миколае! видел еси мое великое жалованье к себе; мощно ли тебе что сотворити, масть или иное что, чтобы облегчение болезни моей?" Миколай же отвеща великому князю: "видел есми, государь, к себе твое государево жалованье великое: аще бы мочно, тело бы свое раздробил тебя ради государя, но моя мысль не имет опричь Божией помощи". Князь же велики отвратися и нача говорити детям боярским и стряпчим своим: "братие! гораздо Миколай надо мною познал мою болезнь, нечто неспособная".

Будучи уже при смерти, Василий III сказал священнику: "видиши сам, что лежу болен, а в разуме своем". Конец его жизни приближался; "не нача языком излагольвати... и тогда рука его правая не начат подыматися... Преставишися князь велики Василей Иванович... месяца декабря в 3"¹³.

Таким образом, летописец начала XVI века приводит почти клиническое описание хода заболевания, которое было, по всей вероятности, гнойным воспалением тазобедренного сустава (гнойный артрит). Способы лечения, обычные в то время при подобных заболеваниях, эффекта не дали (да и не могли, наверное, дать).

Вот как комментировал это в начале XIX века В. Джунковский, один из первых историков медицины России: "По случаю приключившейся Великому Князю болезни, которая, вероятно, не что иное была, как веред, помянутые врачи прикладывали к оному муку пшеничную с медом пресным и лук печеной, от чего, как пишется, болячка стала рдеть"¹⁴.

Древнерусские летописи в известной мере позволяют нам судить о тех заболеваниях, которые были распространены в средневековой России. По количеству пострадавших преобладали тогда, как и в других странах Европы, "моревые болезни", прежде всего, чума, хотя отмечались эпидемии и других заболеваний.

Чума, "черная смерть", была страшной болезнью, не шадившей никого. Так, в середине XIV века случился "великий мор", погубивший множество людей. Он наступал "с низу" по Волге на Нижний Новгород, откуда перекинулся в Коломну, из Коломны в Переславль-Залесский, а на следующий, 1364 г., появился в Москве и во всех московских волостях. В Переславле в иной день умирали 20—30, а порой 60 и 70 человек; как свидетельствовал летописец, "а таковы дни бывали — поболее ста человек на день умирало".

Новое испытание постигло страну через несколько десятилетий. В XV веке (1417 г.) летописи сообщает, что опять был великий мор (и, судя по всему, той же болезни — чумы) в Новгороде, Пскове, Твери, Дмитрове, Москве, многих других местах. Летописец утверждал, что "на Москве начался мор злее первого

⁹Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 53. — СПб, 1887. — С. 23.

¹⁰Там же. — С. 54—55.

¹¹Никоновская летопись. — Ч. VII. — С. 14.

¹²Хорошкевич А. Л., *Russia mediaevalis*. — Т. IX, 1. — Muenchen, 1997. S. 148.

¹³ПСРЛ. — Т. 6. — СПб, 1853. — С. 267—274.

¹⁴Джунковский В., *Всеобщий журнал врачебной науки*. — СПб, 1811. — С. 12—13.

(т. е. происходившего в XIV веке), живые не успевали мертвых погребать".

Об этом же — об эпидемиях "повальных" болезней — говорилось не только в летописях, но и в свидетельствах иностранцев, побывавших тогда в России. Так, английский купец Джером Горсей писал, что в 1575 г. в стране было "моровое поветрие", а потом начался голод: из пострадавших "самые слабые были распределены по монастырям и больницам, где получили помощь"¹⁵. Немецкий купец и сенатор города Данцига С. Нейгебауер (который сам, правда, в России не был, но использовал многочисленные свидетельства своих коллег и записки императорского посла С. Герберштейна) тоже упоминал: "И здесь господствуют особенного рода болезни, подобные заразе, состоящие в боли внутренностей и головы. Они здесь называются горячкой. Одержимые такой болезнью умирают в короткое время... В случае морового поветрия, которые нередко случаются в Новгороде, Смоленске и Пскове, москвитяне опасаясь заразиться оным, никого к себе не допускают из сих мест"¹⁶.

В 1605 г., после поражения Лжедмитрия и осады города Кромь, в русском войске, посланном царем Борисом Годуновым, началась какая-то эпидемия. "Грех ради прииде под кромь на ратных людей скорбь велия... сие несчастье вскоре последовало было другим, то есть нашедшею болезнью — поносом на воинство российское". Из-за этой-то болезни (очевидно, дизентерии, а может быть, брюшного тифа или даже холеры) смертность была очень велика, войско быстро уменьшалось. Когда весть об этом дошла до царя, "Годунов, по совету обретающихся в Москве врачей, послал нужные лекарства"¹⁷.

По описаниям летописцев, нередко встречались тогда также цинга (которую вплоть до начала XX века считали инфекционной болезнью), различные "кروавые поносы" (очевидно, брюшной тиф, дизентерия, холера). При этом в некоторых летописях в соответствии с господствовавшими в средневековом обществе представлениями причиной этих болезней считали "порчу", "сглаз", "нечистую силу", "волхование". Даже в 1632 г. царь Алексей Михайлович писал псковским воеводам, что, по словам лазутчиков, "в литовских городах баба ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтобы этим хмелем на людей навести моровое поветрие". Вследствие этого запрещено было под страхом смертной казни покупать хмель в Литве¹⁸.

Помимо образованных (в той или иной мере) врачей-монахов, пользовавшихся своих пациентов в монастырях, в средневековой России действовали, как указывалось выше, многочисленные мирские врачи, профессиональные "лечцы", постигавшие азы своей профессии в порядке ремесленного ученичества, часто в семьях потомственных целителей. Среди них преобладали специалисты "терапевтического" профиля — камчужные (по лечению ломоты, в современном понимании — ревматизма), очные (они занимались консервативным лечением болезней глаз), чепучинные (специалисты по сифилису), те, кто лечил от "порчи" (предки современных психоневрологов) и др. Однако, как указывалось выше, были среди них и "лечцы" чисто "хирургического" профиля — резалники: костоправы ("травматологи"), камнесечцы (специалисты по лечению болезней мочевого пузыря), кровепуски и рудометы (они пускали кровь), кильные мастера (занимались лечением килы, т. е. грыжи), чечуйные (лечили геморрой). Позднее, в XV—XVI веках, в свидетельствах современников упоминаются также алхимики, "лекарки польской породы", ученики обшелекарские и др.

Существуют определенные представления о способах и приемах врачевания, которые использовали медики средневековой России — врачи-монахи и мирские врачи. Установлено, например, что, считая причиной болезни "неправильное смещение телесных соков", они старались привести их в "доброе сочетание" и потому применяли кровопускание, "жежение" (каутеризация), заволочки, а также средства промывательные, рвотные, отхаркивающие, потогонные и др. (все это соответствовало в основном западноевропейской медицине и хирургии средневековья).

Правда, о делах русских лекарей, о их практике, методах лечения в древнерусских летописях говорится до крайности мало. На это еще в прошлом веке обращали внимание российские историки медицины. "Отчего же врач наш оставил так мало следа в летописях и других источниках?" — задавал вопрос Л. Ф. Змеев и отвечал так: "Частию летописи, как произведения монахов,

хотя бы и руководимых высшим сословием, не особенно сочувственно, а скорее враждебно могли, как представители противоположной христианской идеи, отнестись к врачу, все еще отзывавшемуся народным язычеством... Духовенство в былое время своим учением более всего способствовало исчезанию народного врача"¹⁹. Эта точка зрения заслуживает внимания, хотя, по нашему мнению, отнюдь не является бесспорной.

Вероятно, причин было несколько, например, неосведомленность летописцев в медицине, традиционно преобладающее внимание к власти предрождающим и др. Но основной причиной, по-видимому, было изначально скептическое отношение церкви к этим "лечцам", которые наряду с народной медициной применяли и сурово преследовавшиеся православием методы волхования, пришедшие еще из языческих времен. Нельзя исключить, впрочем, и элемент их своеобразной конкуренции с врачами-монахами, с монастырской медициной. Во всяком случае, непреложным является тот факт, что и те, и другие, используя более или менее разнообразные способы и средства лечения, занимались исцелением различных болезней. Древнерусские летописи подтверждают это.

В рукописи XV века "Слово об исцелении болезней миром" рекомендовалось, в частности, "аще же болезнь очима, также, по окончании литургия, помажь ереи малечко; также и на всем теле, где коли прилучится болезнь, иереи также взимают святого мира и помазает болящая". Этот метод советовали использовать при венерических и гинекологических заболеваниях, "аще же прилучится болячка на срамных удех, аще у мужа или у жены". При этом, однако, полученное от иерея "миро" больной должен был применять сам: "Тако взем своєю рукою от мира святого кистицю, и помажь сам болячку свою, яже на тайных его удех; или муж, или жена, невозбранно ест"; при этом "егда съхраняется, муж к жене, да не приближается в той день и ношь, да не приближается к пианству"²⁰.

Это — пример "терапевтического" лечения с использованием целебной мази ("миро"), приготовленной монахом-врачом (иереем).

Хотя терапевтические способы лечения в практике русских лекарей, как уже подчеркивалось, преобладали, все же и хирургия занимала в медицине средневековой России определенное место. Об использовании различных хирургических методов лечения свидетельствуют запечатленные в летописях своеобразные "истории болезни" русских князей. Так, в Никоновской летописи описано, как в "лето 6949" (в 1441 г. — М. М.) долго болевшему князю Дмитрию Юрьевичу Красному ("болячка в нем движется, и бысть болезно тяжка ему зело") во время причащения оказал квалифицированную медицинскую помощь его духовник отец Осия: "У него тогда кровь пустился, из обою ноздрю яко пруткы течаху, и много иде ея, нелзе бе причастия дати ему, но стоаше священник с причащением в сенях, ожидая. По сем же кровь начать надниматися: отец же его духовный, Осия именем, священноинок, заткну бумашкою ноздрю его; князь же, встав, сrete божественное причаствие... и възлеже на постелю свою"²¹. Этот факт удостоверяет и Степенная Книга²². Таким образом, летописи подтверждают, что при сильном кровотечении врачи средневековой России успешно использовали метод тампонады — именно его применил у князя Красного врач-монах Осия.

Древнерусские историки сообщали об использовании метода прижиганий (с помощью горящего трута). По свидетельству Никоновской летописи, в "лето 6970" (в 1462 г. — М. М.) великий князь Василий Васильевич "чайл себе, сухотные болисти, повеле жеши ся, якоже есть обычай болящим сухотноу, и повеле ставити, зажигаа труд той на многих местех помногу, идеже и не бе ему никоеа болезни, тогда бо и не чюеше того". Таким образом, был применен общепринятый тогда метод лечения сухотной болезни ("якоже есть обычай болящим сухотноу"), причем говорится и об использованной методике ("зажигаа труд той на многих местах помногу"). К сожалению, примененный метод не помог: "Егда же разгнишася раны оны, и бысть ецу болезнь тяжка... И в той болезни преставися..."²³.

Стоит добавить, что, как отметил еще в начале XIX века историк медицины В. М. Рихтер, "сие наружное средство (прижигания — М. М.)... очень сходствует с введенною после в хирургию моксою и искусственно вызываемыми фонтанелями"²⁴.

¹⁵Иностранцы о древней Москве. — М., 1991. — С. 125.

¹⁶Указ. соч. — С. 27.

¹⁷Краткая повесть о бывших в России самозванцах. — СПб, 1774. — С. 38—39.

¹⁸Соловьев С. М., История России с древнейших времен. — Т. II. — 1893. — С. 1365.

¹⁹Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России. — СПб, 1896. — С. 128, 131—132.

²⁰Памятники старинной русской литературы — В. 4. — СПб, 1862. — С. 216.

²¹ПСРЛ. — Т. 12. — СПб, 1901. — С. 38.

²²ПСРЛ. — Т. 21, Ч. 2. — С. 489.

²³ПСРЛ. — Т. 12. — С. 115.

Известный свод древнерусских памятников (оригинальных и переводных) "Великие Минеи Четии", представлявший собой 12-томный свод ежедневного чтения (по месяцам), ставил своей целью собрать "все чтмые книги, которые в Русской земле обретаются" и действительно включал очень многие древнерусские оригинальные и переводные памятники, главным образом житийные, но также исторического, риторического и иных жанров. Свод называют иногда "первой русской энциклопедией". Его составление относится к XVI веку — оно было начато в Новгороде в 1529—1530 гг. и закончено в Москве в первой половине 50-х годов под руководством митрополита Макария, крупного церковного и культурного деятеля.

В этом своде древнерусских памятников содержится "Житие святого Андрея, Христа ради юродивого", отрывок из которого ("О Феодоре мученице") представляет определенный интерес с историко-медицинской точки зрения. Рассказывается, как екарих отрока Феодора "повеле на древе повесити его, и строгати и мучити его". Отрок "много же зла претерпев, на древе вися; к вечеру снемше, всадиша его в темницу". В конце концов Феодор возвратился домой, где "вопрашаху его дружина и близози и родителя, лобызаше язвы его, глаголюще: что еси слышал, Феодоре, егда на древе висяще и святую сию плоть ногты драху?". И отрок рассказал, что "егда мя повесиша на древе и начаша мя, исперва одва претерпех", к нему приблизились "4 скопци красни велми во одежи беле", причем один держал "медяницу", другой "голек мира", а остальные двое — "полотенца бела яко снег". И вот "рече держашему золотой голек: влей семо".

Обратим внимание на дальнейшее: "Яко нача лиати, течаше миро яко видение молниино, и прихожаше ко очима моима и к ноздрема, а ноздрьми по всему телу моему расходящися, яко от воня мира того не чюях страшных болезней, бывающих ми от муки. Един же, намакая платно в медяницу, прикладаше ми к лицу и держаше ми на многы часы, тако сластию воня тоя забл бых болезни своея.

Паки взимающе тому платно от лица моего, другой стояше готов наложить хотя; и тако пребыва творяща, донележе мучащей мя престаша и со древа сняша". Интересно и такое замечание Феодора: "И лишився воня тоя сладка, велми начах тужити: хотел бо бех, да быша мя мучили еще. Бог бо весть, яко тако есть дело то, такоже ум человекъ разумети не может"²⁵.

Нет сомнений — перед нами документальное и очень точное описание общего обезболевания, того его вида, который впоследствии получил название "ингаляционного наркоза". Поскольку святой Андрей жил в X веке (его "Житие" было написано в конце X века), то весьма логичным будет считать, что общее обезболевание применялось тогда в медицинской практике скорее всего при хирургических операциях. Н. А. Богоявленский, комментируя этот факт, прямо пишет, что "Житие Андрея Юродивого" иносказательно приводит рассказ больного, подвергшегося "резанию" под наркозом²⁶. Правда, на это в рукописи никаких указаний нет.

О том, что в средневековой России лечение у хирурга было обычным делом, можно говорить вполне определенно. Это подтверждают и документальные свидетельства.

В 1556 г. царь Иван Грозный написал в Новгород грамоту дьякам Федору и Казарину Дубровскому: "Бил нам челом, из Великого Новгорода, Вотцкие пятины, Гриша Федоров сын Нащокина о том, что он был на нашей службе с воеводою со князем Андреем Ивановичем Ноктевым в Неметцкой земли, и было деи им дело с Неметцкими людьми, и на том деи его деле ранили из пищали по ноге, и ядро деи... в ноге, — И как к вам ся наша грамота придет, и вы б ему дали мастера, лекаря, кому бы у него мочно ядро из ноги вывести, и рана бы мочно излечити"²⁷.

Медицинская, в том числе хирургическая, помощь простому народу, в частности лечение ран, в какой-то мере обеспечивалась законодательно. Об этом свидетельствует Судебник 1589 г., предназначенный, по словам Б. Д. Грекова, "специально для суда среди крестьянства северных черносошных волостей"²⁸. В статье 53 "А о изъедистой лихой собаке" говорилось: "А у кого во дворе или под окном на улице и в избе собака изъест стороннего человека, ино чем тот раненой пожалует, или кормить

и поить и рана личить покаместа изживет, тому на дому своем, чья собака"²⁹. Иными словами, пострадавший мог по приговору есть, пить и, самое главное, лечить рану за счет хозяина покусавшей его собаки в его доме.

Разумеется, принятые тогда хирургические способы лечения (как, впрочем, и терапевтические) не всегда приводили к исцелению. Это подтверждают приведенные в летописях "истории болезни" Василия III и других князей. Не смог помочь "лечцы", как свидетельствует летопись, и владетелю Казанского ханства. Как сообщается, "царь казанский Магмет-Аминь занемог жестокою болезнию: от головы до ног он кипел гноем и червями; призывал целителей, волхвов и не имел облегчения; заражал воздух смрадом гниющего своего тела"³⁰. И здесь медицина оказалась, к сожалению, бессильной.

Можно, однако, утверждать, что методы, использовавшиеся древнерусскими врачами, соответствовали в основном тем, что применялись тогда в Западной Европе. Это подтверждает известный факт об одном из первых зарубежных врачей в Московском государстве.

Как свидетельствует Никоновская летопись, "в лето 6998" (1490 г. — М. М.) прибывший в Москву из Рима князь Андрей, брат жены Ивана III великой княгини Софьи (Софьи Палеолог), привез с собой к его двору в числе других "лекаря мистр Леона Жидовина из Венеции": врач должен был исцелить сына великого князя Ивана, Ивана Молодого, который "болел камчюгом в ногах (скорее всего артритом, может быть, подагрой или другим заболеванием суставов — М. М.). И видев лекарь Жидовин, мистр Леон, похвалоуся, рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: "Яз излечю сына твоего великого (князя) от тоя болезни, а не излечю яз, и ты вели меня смертию казнити". И князь великий Иван Васильевич (Иван III — М. М.), поняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лечити: зелье пити дасть ему и жещи стьякляницами по телу, вливая горячую воду".

Однако этот метод лечения (вантузы) не помог сыну великого князя: "И от того ему тягчаа бысть и оумре". Трагически окончилась и жизнь врача: "И того лекаря мистро Леона велел князь великий поимати и после сорочин сына своего великого князя велел его казнити, главы ссечи. И ссекожа ему головы на Болвановы априля во 24"³¹.

Небезынтересно, что в исторической литературе по поводу смерти сына Ивана III высказываются догадки: якобы наследник престола пал жертвой династической борьбы. Что-либо определенное на этот счет сказать трудно. Известно лишь, что позднее князь Курбский писал, что наследник был погублен Иваном III и Софьей³².

Еще раньше такой же трагической, как свидетельствует летопись, оказалась судьба другого иноземного лекаря — немца Антона. "Того же лета (в 1483 г. — М. М.) врач некий Немчин Онтон приехал к велик. князю, — писал древнерусский историк, — его же в велицей чести держа князь велики его, врачева же князя Каракучу царевича Даньяра, да умори его смертным зелием за посмех; князь же велики выда его сыну Каракучеву, он же мучив хоте дати на окуп, князь же велики не повеле, но веле его убити; они же ведше его на реку на Москву по мост, зиме, да зарезаша его ножем, яко овцу"³³. Это произошло за 7 лет до истории с Леоном.

Вряд ли все это свидетельствовало о какой-то особой жестокости и кровожадности Ивана III по отношению к врачам. Трагические события, разыгравшиеся тогда при дворе русского царя, были отголоском таких же точно трагедий, происходивших в мрачные времена средневековья в Западной Европе. Например, вестготские законы, обнародованные королем Теодориком и действовавшие еще в XI веке, предусматривали, что "за вред от кровопускания, причиненный дворянину, полагалась пеня (штраф) в 100 solidi, в случае же смерти его, врач выдавался головой его родным, которые, следовательно, имели право делать с ним что угодно"³⁴. Таким образом, у случившегося в Москве были, оказывается, исторические прецеденты.

Что ж, каковы времена, таковы и нравы. Времена были средневековым жестокими, да и нравы — совсем не милосерд-

²⁴Рихтер В. М., История медицины в России. — Ч. 1. — М., 1814. — С. 95.

²⁵Великие Минеи Четии, октябрь, дни 1—3. — СПб., 1870. — С. 223—224.

²⁶Богоявленский Н. А., Вестник хирургии. — 1958. — № 7. — С. 135.

²⁷Дополнения к актам историческим. — Т. 1. — СПб., 1846. — С. 156.

²⁸Судебники XV—XVI веков. — М—Л. — 1952. — С. 9.

²⁹Там же. С. 365.

³⁰Карамзин Н. М., История государства Российского. — Т. 7. — СПб., 1889. — С. 66.

³¹ПСРЛ. — Т. 21. — П., 1921. — С. 207.

³²Зимин А. А., Россия на рубеже XV—XVI столетий. — М., 1982. — С. 67.

³³Софийская летопись. — П. — С. 235.

³⁴Ковнер С., История средневековой медицины. — В. 2. — Киев, 1897. — С. 356.

ными, под стать тем временам. Вряд ли кто-нибудь возьмется сейчас "оправдывать" те нравы, а тем более те времена.

Важно, однако, отметить небезынтесную деталь. Царь Иван III без раздумья предал смерти врача-иностранца, который не смог сохранить жизнь его сыну Ивану Молодому. Но уже через 40 лет, когда такие же врачи-иностранцы Николай Булев и Феофил вновь не смогли спасти жизнь другого сына Ивана III, царя Василия III, их и не подумали казнить или подвергнуть какому-либо наказанию. В российском обществе созрело, очевидно, понимание ограниченных возможностей тогдашней медицины, несовершенства используемых ею методов лечения. Жаль, конечно, что такого понимания не было, когда решалась судьба врачей Антона, Леона, а также их коллег Ивана и Матвея Лукомских. Эти польские врачи были сожжены в 1493 г. в железных клетках по подозрению в привозе ядов для отравы великого князя³⁵.

Судя по всему, примененный Леоном метод не был неизвестным для русских лекарей. Историк российской медицины В. М. Рихтер считал, что при "стинутых килах" (ущемленных грыжах), а также при некоторых местных болезнях матки, "с великою пользою и притом особым образом употреблялись в на-

шем отечестве некоторые механические средства". Это и были вантузы — накидывание на живот больших безвоздушных горшков. Позднее, в начале XIX века, российский врач И. Д. Гильтебрандт "в особом сочинении описал весьма обстоятельно, что в упорном стеснении килы они (вантузы — М. М.) и тогда доставляли совершенную помощь, когда килорассечение (*herniotomia*) казалось необходимым", а также при неполном выпадении матки³⁶.

Русские лекари использовали рациональные методы лечения "хирургических" заболеваний. Так, при лечении "ногтоода" (панариция) держали больной палец в теплой воде; после нагноения прикладывали печеный лук или соль с черным хлебом. Использовали (при вывихах) пластырь из уксуса, золы и отрубей, а также мальхан (мазь) из медвежьего сала, масла, квасцов и яичного желтка; применяли мальхан и при лечении ружейных ран, причем свежую рану сначала промывали разогретым квасом, а потом уже накладывали мальхан³⁷.

Результаты лечения подтверждали рациональность этих методов.

Поступила 07.09.00

³⁵Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России. — СПб. 1896. — С. 147—148.

³⁶Рихтер В. М., История медицины в России. — Ч. 1. — М., 1814. — С. 133.

³⁷Там же. С. 117, 130.